

«Нравственники» (писатели-деревенщики) как феномен русского духовного возрождения

Аннотация. В статье рассматривается наследие «нравственников» (писателей-деревенщиков) как важный феномен русского духовного возрождения второй половины XX века. Показан особый взгляд «деревенской прозы» на судьбу человека в эпоху разрушения русской православной цивилизации, основанный на тысячелетнем опыте крестьянского бытия. Этот опыт уникально объединяет в себе христианскую душу и «космический» (соборно-народно-природный) разум, а потому сразу и безошибочно чувствует и глубоко понимает любую неправду бытия. Это поистине последнее слово великой русской литературы: последнее не в хронологическом смысле, поскольку уже пришла иная эпоха, но последнее в смысле обнажения последних оснований «русской точки зрения» (В. Вульф) на мир. Магистральным сюжетом «деревенской прозы» стала гибель великой православной цивилизации и сохранение навечно образов её живых лиц, ещё доживших до второй половины XX века. Поэтому В. Астафьев назвал её явлением уникальным: «мировым феноменом, родившимся из страданий и несчастий народа». Однако опыт литературы «нравственников» (А. И. Солженицын) также показал и реальность православного возрождения русского народа, пророчествуя о новом возрождении России на этой нравственной основе. В статье показаны несколько репрезентативных примеров произведений, позволяющих понять духовный смысл и значение этого литературного феномена, решавшего задачу

всемирно-исторического масштаба: осмыслить и величие православной крестьянской цивилизации, и трагедию её уничтожения. Рассмотрены и наиболее ценные работы критиков и литературоведов о «деревенской прозе». Обосновывается вывод о том, что это литературное явление стало новейшей русской классикой, соответствующей самым главным и насущным задачам духовного возрождения России и создавшей новый «канон» русской христианской литературы XXI века.

Ключевые слова: «Деревенская проза», «нравственники», XX век, православие, художественная литература, духовное возрождение, Россия, трагедия

Для цитирования: Даренский В. Ю. «Нравственники» (писатели-деревенщики) как феномен русского духовного возрождения // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 165–197. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-165-197

Один за другим потухают очаги
нашей деревенской родины —
истоки всего.
В. И. Белов

Верить в Россию —
значит верить в Бога... Иначе
зачем у неё такое великое
прошлое, иначе зачем бы так
любила Россию Божия Матерь, наша
Заступница перед Господом?
В. Н. Крупин

Сильно мы Господа прогневи-
ли, много и страшно нагрешили,
надо всем молиться... может быть,
Он простит нас и не отвернёт
Своего милосердного Лица от нас,
расхристанных, злобных,
неспособных к покаянию.
В. П. Астафьев

Надо, чтобы храм, Церковь были
заложены в человека с раннего
детства, с первыми понятиями
о мире и жизни.
В. Г. Распутин

Во второй половине XX века то, что привычно называли «русской литературой», в основном своём течении на самом деле стало литературой русскоязычной, но не русской в подлинном смысле этого слова. Целые легионы литераторов, многих из которых ныне по недоразумению даже считают «классиками», выдавали печатную продукцию, которая не имела отношения к подлинной русской литературе, а чаще всего и к художественной литературе вообще. И речь идёт не только об официальной советской литературе, почти сознательно культивировавшей серость, но и о тех, кто делал себе имя на противостоянии с «режимом». Но во второй половине XX века всё, что было в русской литературе подлинно русского и подлинно художественного, было создано в рамках литературы советской. Это неудивительно, ведь у подлинной русской литературы есть одна важнейшая нравственная черта: всегда быть со своим народом, где бы он ни оказался, — изнутри пережить и только так преодолеть его грехи и болезни, только на собственном художественном опыте показать путь к покаянию. Центральным явлением в русской литературе второй половины XX века была «деревенская проза» и сущностно близкая ей «тихая лирика». Сколь ни условны эти термины, примем их как установившиеся, ставшие своего рода символами, которые уже не вычеркнуть из истории русского слова. Своим рождением оба эти явления уходят в первую половину века к двум людям-глыбам: М. Шолохову и С. Есенину. Именно они создали тот особый русский художественный взгляд на всё происходящее в этом страшном веке, когда оно ещё только начиналось и было понятнее в своей сущности и истоках.

Особый взгляд «деревенской прозы» и «тихой лирики» на судьбу человека в эпоху великих экспериментов основан на тысячелетнем опыте крестьянского бытия, уникально объединяющего в себе христианскую душу и «космический» (т. е. соборно-народно-природный) разум, а потому сразу и безошибочно чувствующий и глубокого понимающий любую неправду бытия. Это поистине последнее слово великой русской литературы: последнее не в хронологическом смысле, ибо уже пришла иная

эпоха, со своей великой задачей, но последнее в смысле обнажения последних оснований «русской точки зрения», как выразилась Вирджиния Вульф. Мир «деревенской прозы» необъятен; в этой статье будут показаны лишь несколько репрезентативных её примеров, позволяющих понять духовный смысл и значение этого явления.

«Деревенская проза» (из этого названия некоторые хотели сделать лишь насмешку, как когда-то и из слова «славянофилы», получилось же наоборот) совершила два подвига в современной русской культуре: вернулась к подлинным нравственным и художественным традициям русской классической литературы; и она же первая дала подлинное понимание того, что произошло с русским народом в XX веке. Магистральным сюжетом «деревенской прозы» стала гибель великой православной цивилизации и сохранение навечно образов её живых лиц, ещё доживших до второй половины XX века. Поэтому В. Астафьев назвал её явлением уникальным: «мировым феноменом, родившимся из страданий и несчастий народа» (Астафьев 1990: 4). А Ольга Славникова пояснила это с точки зрения новых поколений, искавших пищи духовной: «Главным было: не только в баснословные классические времена жили люди, о которых находилось что сказать. Мы — не провинциалы в историческом времени и пространстве, мы тоже живём, мы есть, и наш сегодняшний день, наша реальность так же плодоносят, как и великий XIX век <...> деревенский, ничего не читающий человек, проживший наедине с собой свою тяжёлую жизнь, вдруг осознаёт свою незрячность, неслучайность своего прихода в мир, и шире — значимость и высокий смысл всякого человеческого дыхания. Старуха из повести “Последний срок” — это уже в полном смысле слова классический пример просветления духа, не имевшего помощи ни в религии, ни в литературе, но нашедшего всё, что надо, в самой что ни на есть обыкновенной бабьей деревенской судьбе: “... после каждого несчастья она заново собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой и подталкивала: ступай, живи, без тебя никто на твоё место не заступит, без тебя никто тобой не станет”. Таково общечеловеческое значение “деревенской прозы”... “Деревенская проза” всем, отчуждённым от собственной жизни, подала утешение и надежду — на то, чтобы стать и быть собой. Она, может быть, выявила образ Божий в пресловутом “советском человеке”» (Славникова 1999: 205).

Русское духовное возрождение, возвращение к православной вере, а также вскрытие подлинной страшной русской истории XX века

писателями этой традиции (удачное название ей дал А. И. Солженицын, вручая премию своего фонда В. Г. Распутину, — «нравственники») вызвали неприятие у «либеральной общественности», особенно после 1991 года, когда либеральная идеология с русофобским оттенком стала господствующей и в идеологическом, и в академическом дискурсе. Например, А. И. Разувалова в монографии «Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов» (2015) с заметным неудовольствием пишет: «Именно в XXI веке началась очередная волна официального признания “деревенской прозы”... В. Распутин в 2003 году получил премию Президента Российской Федерации в области литературы и искусства, в 2010-м — премию Правительства России за выдающиеся заслуги в области культуры, ещё через два года — Государственную премию Российской Федерации за достижения в области гуманитарной деятельности за 2012 год. В 2003 году лауреатами Государственной премии Российской Федерации стали В. Астафьев (посмертно) и Василий Белов, последний в том же 2003-м удостоился ордена “За заслуги перед Отечеством” IV степени. Связать присвоение “деревенщикам” череды государственных премий с сегодняшней популярностью их произведений невозможно, ибо такая популярность — дело “давно минувших дней”, она пришлась на 1970–1980-е годы» (Разувалова 2015: 12). Последнее утверждение отличается лукавством: автор его наверняка знает, что писатели этой традиции никогда не были «модными», но их всегда читала только та часть народа, которая стремится вернуться к своим корням, — и здесь «популярность» их всегда была стабильной. Кроме того, характерно, что, будучи литературоведом, А. И. Разувалова, однако, меньше всего в своей книге пишет о художественном и нравственном содержании «деревенской прозы», но в основном манипулирует идеологическими штампами «либеральной тусовки», не имеющими к литературе никакого отношения. Под маской внешней якобы объективности подход этой книги во многом состоит в том, чтобы изобразить эту русскую прозу как маргинальное и «устаревшее» явление.

Однако с 1960-х, с самого начала своего появления, «деревенская проза» стала предметом самых благожелательных и содержательных откликов и в критике, и в литературоведении. Уже в советское время выходили монографии о наиболее известных из этих писателей. Диссертации об их творчестве защищались тогда и защищаются вплоть до настоящего времени. Есть и хорошие обзорные книги (Недвецкий, Филиппов 2002;

Партэ 2004). Фактически «деревенская проза» давно признана новой классикой. Кроме тех нескольких знаковых имён, которые наиболее известны, — В. Распутин, В. Астафьев, В. Белов, В. Шукшин, Ф. Абрамов, Б. Можаев, В. Солоухин, В. Лихоносов — к этой традиции на самом деле принадлежат несколько десятков ярких прозаиков из разных регионов России. Ныне живущий последний представитель ещё её самой первой плеяды Вл. Крупин давно уже стал глубоко воцерковлённым писателем, непосредственно продолжающим ту линию в русской литературе, которая представлена наследием Е. Поселянина, И. Шмелёва и К. Зайцева. В книге «Скоро утро, но ещё ночь» (2009) он дал такую очень ёмкую характеристику: «Это отношение к смерти, которое главное в жизни человека и нации, и выделяет русский стиль из других. Наша русская жизнь не здесь, она в Руси Небесной. Но это не значит, что русский стиль предполагает пренебрежение к жизни земной, нет. Земная жизнь есть пропуск в жизнь небесную. Чем выше качества души, тем выше она вознесётся. Такие рассуждения <...> становятся убеждением русского художника и питают в его нелёгкой работе» (Крупин 2009: 439). И здесь же: «Верить в Россию — значит верить в Бога <...> Иначе зачем у неё такое великое прошлое, иначе зачем бы так любила Россию Божия Матерь, наша Заступница перед Господом?» (Крупин 2009: 439).

Именно «деревенская проза» восстановила высочайший художественный стиль русской классической литературы, уже никому, кроме неё, недоступный во второй половине XX века — эпоху деградации художественного вкуса и вырождения писательской среды в творческом и нравственном отношении. Это произошло потому, что она выросла из тех же корней, как и классика XIX века — из мира русской сельской усадьбы, пусть теперь уже не дворянской, а только крестьянской, но ведь этот русский «космос» бытия на земле у них был один и тот же. Поэтому для «деревенщиков» ориентиром и каноном была только классика — в первую очередь Пушкин, Бунин, Л. Толстой, Лесков и Чехов, а из ближайшей традиции — Шолохов и Паустовский. Всякого рода «модернизм» XX века отвергался ими вовсе не по причине их «отсталости», а по причине его легковесности для той задачи, которую они ставили. Эта задача была всемирно-исторического масштаба: осмыслить величие традиционной цивилизации и трагедию её уничтожения. Нет сомнения, что со временем это сделает русскую «деревенскую прозу» одним из ключевых явлений в истории литературы.

С. Залыгин в своём предисловии к двухтомному собранию сочинений Вл. Крупина 1991 года задавался вопросом, почему возникла «деревенская проза» как мощное литературное явление, и отвечал: «Появилась она именно потому, что сельская жизнь на территории всей страны была разрушена — грубо и жестоко <...> деревня переживала величайшую за всё время её существования трагедию. И вот на этой трагической волне и возникла деревенская проза, проза-прощание <...> Проза эта оказалась не столько событийной, сколько личностной» (Залыгин 1991: 5). Эта личностность была не «субъективизмом», а, наоборот, передачей соборного сознания многомиллионного народа, который в XX веке прошёл свою жертвенную Голгофу. И когда после смерти главного тирана появилась возможность более или менее свободно говорить — народ успел через своих писателей высказать всё. Но и не только о своей трагедии, а о трагедии России как таковой — о том, что с ней произошло в том «революционном» столетии: об уничтожении под корень православного народа. Именно эта правда ненавистникам Руси была страшнее всего, поэтому и обозвали этих писателей «деревенщиками», чтобы лживо и искусственно изобразить их «побочным» течением в литературе. Но не удалось — именно «деревенская проза» и является тем самым ценным, что дала Россия мировой литературе во второй половине XX века. А А. И. Солженицын дал этому великому явлению его подлинное имя — «нравственники».

Начало «деревенской прозе» в целом положил рассказ А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Первоначальное название «Не стоит село без праведника» отражало главную направленность рассказа — показать праведную, полную страданий, несправедливости, ударов судьбы жизнь крестьянки как основу сохранения деревни вообще. Героиня Солженицына чертами характера, отношением к миру схожа во многом с русскими святыми: то же бескорыстие, отзывчивость, душевность, кротость и молчаливость, терпение. Писатель не даёт общего её портрета, отмечая только «простодушный взгляд блекло-голубых глаз» и лучезарную улыбку. Как у многих праведников, жизнь Матрёны была трагичной. На Первой мировой войне пропал без вести жених, который вернулся из плена через три года. К тому времени Матрёна уже вышла замуж за его брата. Она пережила смерть шестерых детей, гибель мужа в Великую Отечественную. В деревне её считали «порченной», потому что безразлично относилась Матрёна к «добру», материальному богатству,

зато бескорыстно помогала всем и каждому. Как и все праведники, Матрёна «не гналась за нарядами, за одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев». А. Солженицын особо подчёркивает праведнические черты и поведение героини, её систему ценностей, в корне отличающуюся от «новых» деревенских жителей. В финале рассказа автор говорит о ней: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша» (Солженицын 2007: 148).

В рассказе прямо не говорится о коллективизации, а упоминается лишь, что она заставила людей не «по себе работать», однако именно этот рассказ А. Солженицына задал нравственные параметры и теме коллективизации, и «деревенской прозе» в целом. Здесь впервые было показано, что было уничтожено в России в XX веке: была уничтожена великая христианская цивилизация, создавшая тот уникальный народный русский характер, которому вряд ли найдётся равный во всём мире по его нравственным достоинствам и духовной глубине. В этом рассказе есть и фундаментальный символ судьбы русского крестьянства, на который впервые проницательно обратила внимание А. Ахматова. Она очень высоко оценивала «Матрёнин двор» в художественном отношении, а себя даже отождествила по судьбе с Матрёной, сказав: «Я та самая старуха из Солженицына, которая говорит, что ей надоело всех провожать на тот свет»; а главный страшный символ рассказа таков: «Ведь у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала, и вдребезги», — сказала А. Ахматова (Кормилов 1999: 27). Из этого страшного, но точного символа и выросла вся «деревенская проза».

В художественной автобиографии философа и писателя А. А. Зиновьева, родом из костромской деревни, есть очень выразительная характеристика колхозной жизни 1930–40-х годов: «Год колхозной жизни в наших местах я приравниваю по крайней мере к году исправительных лагерей строгого режима <...> Оставался один выход: бегство. Бегство нашей семьи растянулось на шестнадцать лет. Для истории такой срок — миг. А для страдающих индивидов вечность. Для матери эти годы были непрерывной пыткой. Она работала больше других, так как семья была больше. Оплата труда была издевательская. Но даже несколько дополнительных килограммов зерна были спасительными. На её глазах происходило крушение всего прежнего уклада жизни. Закрыли церковь. Стремительно рушились моральные устои тех, кто

остался в деревнях. Пьянство. Воровство. Обман. Лодыри, жулики и дураки на короткое время вылезали в начальство и скоро исчезали в тюрьмах, уступая место таким же несчастным ничтожествам <...> И мать жила постоянно в страхе быть арестованной за какое-нибудь мелкое преступление, изобретённое новым строем. Например, я мальчишкой ходил далеко в лес за грибами, брал с собой маленькую косу, прятал её, чтобы не увидели соседи, в лесу прикреплял её к палке и косил на полянках траву. Ночью мы с матерью приносили скошенную траву домой и прятали. Если бы соседи увидели это, то непременно донесли бы. За охапку сена на первый раз конфисковали бы целый воз, а то могли и посадить в тюрьму» (Зиновьев 2006: 36).

Уже к 1970-м годам пришёл закономерный итог: как писал в «Бобришном угоре» В. Белов, «один за другим потухают очаги нашей деревенской родины — истоки всего» (Белов 1983: 524). Классики «деревенской прозы» были людьми, которые не просто писали о том, что видели и знали, но людьми, в которых произошло духовное прозрение в суть новейшей русской истории. Только такое прозрение, выход за рамки ложного советского мировоззрения, и создавало классиков. Например, о нём писал Н. Рубцов в своей «Осенней песне» (1962):

...Я в ту ночь позабыл
Все хорошие вести,
Все призывы и звоны
Из Кремлёвских ворот.

Я в ту ночь полюбил
Все тюремные песни,
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ...

Опубликованная в 1989 году повесть В. Солоухина «Смех за левым плечом», основанная на личных воспоминаниях, вместе с тем была и первым примером философского осмысления сути коллективизации. Характерен для повести следующий фрагмент: «Важно было унижить народ, важно было сломать его ещё раз, ещё и на этом, на колоколах. Первый раз сломали на коллективизации, на колхозах, на отнятии земли и лошадей, на отнятии инициативы и ощущения хозяина на земле. “Год

великого перелома”. Перелома хребта российского крестьянства, народа. Как и человека, который мужественно сопротивляется чему-либо, упирается, стоит на своём, достаточно сломать один раз (у следователей это называется “расколоть”), так и с целым народом. Сломать один раз, а потом делай с ним всё что хочешь. Для того, чтобы закрепить первый слом (с коллективизацией), и решено было ещё раз унижить народ и сломать его ещё раз — по всей России сбросить колокола. Обеззвучить страну и народ, обезязычить их, ввергнуть в глухую немоту. Если он, народ, и на это никак не ответит, ну тогда действительно делай потом с ним что хочешь, вей из него любые верёвки... В селе и в окрестных деревеньках организованы колхозы, то есть крестьяне обречены на безрадостный, подневольный, почти что бесплатный труд, по сигналу, по звонку (ради этого оставили один маленький колокол из трезвонных, пуда на полтора, и повесили его на столбе)» (Солоухин 1989: 141).

В статье Ксении Мяло «Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция» (Новый мир. 1988, № 8) впервые было открыто сказано о самой сути произошедшего: «Тот разгром, которому на переломе 20-30-х годов подверглась патриархальная культура русского крестьянства, позволял по своему драматизму и размаху сравнения самые масштабные. Культурные катастрофы такой силы известны в истории, и, как правило, все они происходили при столкновении несовместимых друг с другом цивилизаций; несовместимых либо этнически, либо религиозно, либо по своему основополагающему коду» (Мяло 1988: 248).

Но когда времена гонений закончились, то оказалось, что уничтожено не всё и не все носители православного «кода». И тогда пришли писатели, которые явили его миру. В основе художественного мироощущения «деревенщиков» лежало то особое экзистенциальное переживание, которое Владимир Солоухин очень хорошо передал в своём стихотворении «Север»:

Нагляделся на тёмные брёвна
Иссечённых дождями домов,
На кресты обомшелые, словно
Нагляделся негаданных снов.

Пред великой студёной рекою,
Пред обломками древних церквей

Просыпается что-то такое,
Что дороже поэзии всей,

Золотее, больнее и чище,
Но словам не подвластно, увы,
Словно мы позабытого ищем,
Отдалённой и смутной молвы.
(Солоухин 1977: 13).

Экзистенциальный тип этих авторов также очень хорошо выразил В. Коротаев в предисловии к сборнику стихов Н. Рубцова («тихая лирика», как уже сказано, была стихотворным аналогом «деревенской прозы»): «Кто дал поэту такую пристальность взгляда, такую чистоту слога, такой уникальный слух... Кем вложено в него такое неистребимое и недремлющее чувство сострадания и участия ко всему живому на земле?» (Коротаев 1976: 6). Именно в таких душах, сохранивших подлинную русскость, происходило возрождение православия.

Повесть Валентина Распутина «Живи и помни» (1974) — одно из самых христианских произведений во всей русской литературе. В письме критику Валентину Курбатову (1939–2021) В. П. Астафьев писал об этой повести так: «Распутин написал что-то совершенно не поддающееся моему разуму, что-то потрясающее по мастерству, проникновению в душу человека, по языку и той огромной задаче, которую он взвалил на себя и на своих героев повести “Живи и помни”... как победили? Чего стоила нам эта победа? Что сделала она с людьми?» (Крест 2003: 20). О страшной цене победы в той войне Астафьев будет писать в последнее десятилетие своей жизни в романе «Прокляты и убиты» и переписке по поводу него — это станет его завершающим словом (более подробно об этом в другой нашей статье (Даренский 2019)). В. Бондаренко в статье «Поминальная молитва Валентина Распутина» написал об этой повести: «Это одна из самых мистических повестей русской литературы. Впрочем, мистичен по-христиански — весь Распутин... Русский писатель доказывает русскому читателю правомерность русской христианской логики» (Бондаренко 2006: 392; 394).

М. Лобанов в статье с характерным названием «Знания и мудрость» дал определение главному содержанию и смыслу «деревенской прозы»: передать «средоточие народного нравственного опыта, духовной

красоты»; носителями её оставались старики, воспитанные в православной вере и не утратившие её до конца дней своих. В «Последнем сроке» В. Распутина «на глазах съехавшихся детей умирает старуха мать, и так нежалебно, возвышенно уходит она из жизни, что мы невольно чувствуем свою малость перед этой неграмотной крестьянской старухой» (Лобанов 1982: 98).

Но не просто приходили к православной вере новые русские писатели, а через тяжёлую и часто мучительную работу души и разума. Так, сам В. Астафьев вырос ещё в среде, где старшие люди принадлежали к русской православной цивилизации и были верующими. Вера ему была знакома с детства, хотя воцерковлённым он не был. К православной вере он пришёл уже на склоне лет, зрелым, даже старым человеком, умудрённым жизнью, но приход этот был нелёгким. Вот, например, сохранились строки из его письма критику В. Курбатову (январь 1983 года): «Читаю “Окаянные дни”... и ещё раз убеждаюсь, что нет Его, Бога-то, нет, иначе бы давно покарал всю эту свору страшными и немедленными муками, а он что-то карает всё не тех, всё вслепую и насылает болести на простых людей» (Крест 2003: 166–167). Но вот уже его строки из письма к другому адресату 1987 года: «Скоро умирать... Пора Богу молиться... Все наши грехи нам не замолить: слишком их много, и слишком они чудовищны, но Господь милостив и поможет хоть сколько-нибудь очистить и облегчить наши заплёванные, униженные и оскорблённые души» (Астафьев 2009: 401). Между этими письмами прошло всего несколько лет, но перемена мыслей разительная. В. Астафьев шёл к Церкви не только через «горнило сомнений», но и, как и большинство бывших советских людей, неся на себе тяжкое бремя грехов, осквернявших душу, отвращавших её от Бога. Но ведь тем более заслуживает уважения его духовный подвиг прихода ко Христу.

В последней своей повести «Весёлый солдат» он пишет о благодарности «Богу и силам небесным за минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать» (Астафьев. Весёлый солдат 1998: 45) — и это уже слова вполне религиозного человека. В эссе «Награда и мука. К юбилею Пушкина» (1999) знаменательны слова: «Разум человека укрепляется только разумными деяниями и подвигом Христовым» (Астафьев т. 12 Публицистика 1998: 456). Здесь же он формулирует своё понимание духовного аристократизма: «Смерд, чернь не любит того, кто выше него взнимается, сдёргивает его с высоты наземь, светоносного

посланника небес, пытается сделать себе подобным, уложить его в землю рядом с собою, хотя бы мёртвого, и таким образом сравняться с ним» (Астафьев т. 12. Публицистика 1998: 459). Само название «Последний поклон» также глубоко символично. Это прощание с тысячелетней народной цивилизацией, этой русской Атлантидой, тонущей в небытие уже навсегда. Выросшее из детских воспоминаний, это эпическое повествование в конце концов охватило весь мир традиционного народного бытия и стало своеобразным аналогом «Человеческой комедии», насыщенным множеством самых ярких и своеобразных русских характеров.

С 1973 года публикуются рассказы, составившие затем его знаменитое повествование в рассказах «Царь-рыба», в котором он дал символ и России советского периода, и всей современной цивилизации. Тяга к браконьерству и вообще к уходу в дикую тайгу от современного мира — это внешняя форма души современного человека, ещё сохранившего в себе стихийную тягу к свободе, когда последняя уже вынуждена выражаться в таких извращённых формах. Браконьерство — это наглядный символ того типа жизни, который стал складываться в «благополучную» позднесоветскую эпоху. Жизни, основанной на тупом материальном потребительстве и рвачестве. А в более масштабном, мировом смысле — это символ всей современной цивилизации, основанной на сверхпотреблении ресурсов ценой уничтожения биосферы, которое уже давно приобрело необратимый характер. Здесь уже и Запад, и СССР — это всего лишь «две дороги к одному обрыву» (И. Шафаревич).

Ключевое событие таково: герою повести, браконьеру, как водится, однажды крупно повезло — попался «невероятной величины осётр. Царь-рыба!». «Что-то редкостное, первобытное было не только в величине рыбы, но и в формах её тела... на доисторического ящера походила рыбина... Дедушко говаривал: лучше отпустить её, незаметно так, нечаянно будто отпустить, перекреститься и жить дальше, снова думать об ней, искать её. Но... мало ли чего плели ранешные люди, знахари всякие и дед тот же — жили в лесу, молились колесу» (Астафьев 1997: 112), — иронически по отношению к современным «цивилизованным» браконьерам заключает повествователь. «Царь-рыба попадаетеся раз в жизни, да и то не всякому», — исповедует браконьер всем нам знакомую религию «успеха» и «удачи». И вскоре он сам оказался в воде, опутанный вместе с царь-рыбой своими же удами с крючками, впившимися в их тела. «Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке». Уже

погибая, он обращается к Богу и просит: «Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне!» Он просит и прощения у девушки, которую когда-то обидел: «Прос-сти-итеее... ее-ееээ... Гла-а-аша-а-а, прости-и-и» (Астафьев 1997: 324). После этого царь-рыба освобождается от крюков и уплывает в родную стихию. Насколько это простая и пронзительная притча о сути человеческой судьбы и законах, ею управляющих!

В 1978 году за повествование в рассказах «Царь-рыба» В. Астафьев был удостоен Государственной премии СССР, а ещё ранее, в 1975 году — Государственной премии РСФСР имени М. Горького. В наше время принято думать, что в тот период премии давались только «номенклатурным» писателям. Это не совсем так, и В. Астафьев здесь не единственное исключение. Нужно ведь и кого-то показать мировому читателю, чтобы не стыдно было. И для такой роли лучше всего подходили простецкие провинциальные самородки — такие, как В. Астафьев, Ч. Айтматов, В. Распутин и др. Им не давали высоких должностей, не делали «литературными генералами», они всю жизнь жили в своей «глухомани», а не в Москве — но это как раз и устраивало власть.

Первая книга об В. Астафьеве, написанная одним из лучших критиков «почвеннического» направления А. П. Ланщиковым, очень точно называлась «Право на искренность» (1975). В писателе уже многие тогда отметили эту совершенно особенную тональность, которую называли искренностью, но это было нечто большее — это уникальная проникновенность мироощущения. В предисловии к первому собранию сочинений В. Астафьева В. Курбатов точно отметил: «Творчество Виктора Астафьева глубокой личностью и в русской исповедной традиции — явление замечательное. Писать предисловие к его книгам — значит писать предисловие к жизни» (Курбатов 1979: 5).

Вот, например, как в «Царь-рыбе» показана вселенская трагедия смерти: «Молодой чернявый конвоир приостановился, отбросил собаку пинком в сторону и, не снимая автомата с шеи, мимоходом, в упор прошёл её короткой очередью... Родившийся для совместного труда и жизни с человеком, так и не поняв, за что его убили, пёс проскулил сипло и, по-человечьи скорбно вздохнув, умер, ровно бы жалея или осуждая кого...» Отметим, что столь же проникновенные, почти человеческие образы животных есть и почти у всех других «деревенщиков», например в «Рассказах о всякой живности» В. Белова. Там говорится о глубоких

чувствах между ними; особенно потрясает, как завывала собака от горя и тоски по умершему коту (Белов 1976: 261).

А вот столь проникновенное переживание таинства бытия в новелле В. Астафьева «Капля»: «Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душою природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня — настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь Божий Дух един, как рекли в старину. На заострённом конце продолговатого ивового листа набухла, созрела крупная капля и, тяжёлой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением» (Астафьев 1997: 155). У В. Астафьева есть стихотворения в прозе, по которым можно увидеть «изнутри» самое ядро его мироощущения. Например, «Молитва»: «Бег времени / И Божий глас, / Звезды немеркнущая тень / Из времени в вечность, / Из света дальнего / Голос спасенья, / Голос памяти, / Негаснущий свет...» А в 1979-м он написал: «Так без конца и края жизни хоровод... / И думаешь, что это обновление, / А это сказка про мочало? / Зачем же тогда маяться, любить / И плакать от разлук и увяданья? / Коль колесом дорога на земле, / И всё за нами следом повторится. / Зачем?..»

В эпоху перестройки он ответил на русофобские оскорбления историка Н. Эйдельмана следующим образом: «Так что Вам... стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юровского и иже с ним, маялись по велению “Высшего судии”, а не по развязности одного Ежова. Как видите, мы, русские, ещё не потеряли памяти, и мы всё ещё народ большой, и нас всё ещё мало убить, но надо и повалить» (Из переписки 1990: 67). (Юровский — это глава убийц св. Царской Семьи.) А в 1990-е, получив возможность обращаться к власти, он 4 августа 1997 года отправил письмо по адресу: «Москва; Кремль, Ельцину Б. Н., Черномырдину В. С., Немцову Б. Е.», в котором писал: «Ссорясь с массой бедного народа, совершая ошибку за ошибкой, вы создаёте напряжение в стране, тем самым тащите к власти коммуно-фашистов. Понимаете ли вы, что терпение россиян иссякает, вы и вся Россия могут позвать бурю народного гнева?» (Астафьев 2009: 642).

В 2006 году исполнилось сорок лет публикации одного из наиболее значительных произведений всей «деревенской прозы» — повести Василия Ивановича Белова «Привычное дело». На отстоянии лет лучше видится то, что для современников укрывалось за её животрепещущими темами. Стоит повнимательнее посмотреть на эту повесть, уже прочно

поселившуюся в «большом времени» истории литературы, а значит, требующую иного взгляда, ищущего в прошедшем и преходящем всегда современное, будущее и вечное. Сюжет повести — сюжет высокой трагедии. Характерно, что практически все писавшие о «Привычном деле» как-то всегда рассыпались в «замечательные частности»: спорили о правдивости характеров, о стилистических открытиях, о судьбе деревни и т. д., словно как-то подспудно стараясь зажмуриться, не замечать того главного, что как одна большая волна встаёт в суровой простоте сюжета. Ведь всё очень просто, как в назидательной сказке для детей: человек соблазнился «лучшей долей», оставил свою беспрекословную жену, но и доли не нашёл, и потерял всё, что имел. Гордый, «прогрессивный» ум увидит в этом лишь какую-нибудь «апологетику косности крестьянской жизни». Но читатель глубокий и совестливый увидит в этом неизбежную правду человеческой жизни, открывшуюся ещё в древней трагедии: всякое самоутверждение человека лишь для себя, ценою забвения своего ближнего и своей совести, есть страшная слепота и неизбежно заканчивается катастрофой.

Возможно, что помимо сознания самого автора этот глубинный смысл сюжета оказывается и ключом к пониманию того, что произошло с русским народом в XX веке. Подобно древнему Эдипу, русский человек, прельщённый «прогрессом» и «лучшей жизнью», решил, что станет отныне жить только по своему приземлённому уму-разуму ради своего собственного благополучия, забыв и о святынях своих предков, и об ответственности перед Родиной. Были, конечно, и ныне есть многие и многие герои и святые, не подчинившиеся этому соблазну, на которых только, по сути, ещё и держится страна, — но, к сожалению, общий ход истории последних полутора веков русской истории определяли вовсе не они. И вот Эдип XX века — «обычный» русский человек — убил своих отцов, предав их святыни, и надругался над своей матерью Родиной, отдавая её на растерзание всё новым и новым вора. Но, как и Эдипу, подлинному народу предстоит прозрение, раскаяние и возрождение.

Много и справедливо писали о том, насколько тонко и правдиво показаны в Иване Африкановиче, его жене Катерине и других героях повести такие черты истинно русского национального характера, которые не во всём прозревались и великими классиками XIX века. В этом видели и особую «народность» самого автора. Всё это бесспорно, однако есть в повести и более глубокий, сугубо трагический смысл, по иному раскрывающий и сам смысл «привычности». Трагизм характеров этих людей

в том, что именно то, чем они прекрасны, особо человечны и всегда любимы, — именно это страшным образом и оказывается причиной их хрупкости, обманутости и бессилия перед наступающим царством лжи. Почти невероятная доброта, искренность и честность истинно русского человека, всегда потрясавшая иностранцев, накрепко привязана к вековому укладу жизни, всегда требовавшей, в силу своих суровых условий, огромной самоотверженности, отзывчивости и смирения. Но как только условия смягчаются, появляется призрак «лёгкой жизни», русский человек, утрачивая привычные жизненные ориентиры, вдруг «срывается с петель» и с высот нравственного подвига обрушивается в глубины душевного и духовного падения. Такой «амплитуды», за весьма редкими исключениями, не знают характеры других народов.

Вот что таится за Ивановой «привычностью»! «Привычность» в своей метафизической глубине здесь раскрывается именно как путь к обманутости и гибели. Когда всё «привычное» вдруг исчезает, человек остаётся без точки опоры, в пустоте, уже не зная, что хорошо, что плохо и для чего вообще вся эта данная ему жизнь. Вот почему спивается и вымирает народ, несмотря на, казалось бы, вполне сносные условия жизни. И вырваться из сна обыденности, понять, что на самом деле происходит, можно только пройдя через горе и катастрофу. Побывать на краю гибели, чтобы вернуться к высшим истокам и началам подлинного бытия. Обрести непоколебимое «самостоянье» жизнью во Христе и на благо Родины. Вот о чём говорит эта повесть и своим смыслом, и своим названием — о том, что будет происходить с русским народом, в чём будет загадка его нынешнего катастрофического состояния и грядущего возрождения! В истории Ивана Африкановича следует видеть трагическую ситуацию «прозревающего Эдипа»: и этот же путь теперь должен пройти, освобождаясь от своей слепоты, и весь народ. Иначе ему не выжить! Повесть эта — прообраз прохождения через смерть Родины и её возрождения через покаяние и чувство живой связи с великими и святыми предками.

Когда-то ещё в начале русской катастрофы, в 1917 году, В. Ходасевич написал о том, что пришло время народу идти «путём зерна» — путём крестным через смерть к воскресению. Ещё ранее Ф. И. Тютчев прозревал вечную душу России в образе Царя Небесного, «Удручённого ношей крестной». И вот после исторически явленной допетровской Руси Святой — Третьего Рима, Руси Великой XIX века и «России, кровью

умытой» 1917–1945 годов затем пришло время Руси Убиенной — поистине лежащей во прахе, мёртвой духовно и умирающей физически. Но и убиенная Русь изначально жива нетленным огнём Божией благодати, а потому — и пророчесственным огнём Руси Новой, нами ныне создаваемой. И вот, как нам кажется, именно Василию Ивановичу Белову в «Привычном деле» удалось передать то ещё почти неуловимое ощущение-прозрение будущей Новой Руси — ещё в тот момент, когда Русь Убиенная только вступала в свой апогей. Трагедия Ивана Африкановича, Катерины и ещё миллионов и миллионов подобных им русских людей, теряющих самих себя в дебрях бездушной и бессмысленной «цивилизации», — этот душевный крик погибающей, не понимая, что происходит, старой Руси — вместе с тем и завет для людей следующих поколений: чтобы они почувствовали, что потеряли. Думается, что в XXI веке «деревенская проза» и «тихая лирика» будут иметь такой же нравственный авторитет и общекультурное, воспитательное значение, какой ранее имела классика века XIX. Ибо XXI век — век возрождения народа и создания Руси Новой, главная сила которой будет сила Памяти.

Память — и главная сила этой повести. Не только память о неповторимой уже, может быть, красоте людских душ, но и тысячелетняя память особого по своей полноте и глубине народного восприятия мира. «Привычное дело» — один из немногих в новейшей русской литературе текстов, непременно требующих очень медленного, медитативного чтения. На соседствующих страницах здесь обнаруживаются разные «миры», в которые нужно каждый раз по-новому вживаться, словно впервые. Почти в любом месте текста читатель может быть захвачен врасплох каким-то внезапным прозрением в, казалось бы, привычную суть простых вещей и обстоятельств. Хорошо было уже написано и о знаменитом разговоре с конём Парменом — монологом-шедевром даже на фоне всей истории русской литературы; и о изумительном проникновении в мироощущение коровы, таящее в себе смыслы, без которых нет и полноценной человеческой души. Но стоит обратить внимание и на несколько авторских открытий, важных для общего глубинного смысла повести, которые ранее не становились предметом специального размышления. Ограничимся лишь тремя.

«Успели уже и перемёрзнуть, снегу наташили, не много и погуляли.

— Ой, беда, однако! — Евстоля по очереди вытирала им холодные мокрые носы. — Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрёт

ни которой. Где погостили-то? Как пошехонцы, как пошехонцы. Вот пошехонцы-ти раньше тоже были растрёпы. Кушать кушали, а жить-то не умели.

— Баба, сказку, баба, сказку! — Васька запрыгал на одной ноге, задёргал бабкин подол.

— Дак вам какую севодни, пошехонскую аль про кота с петухом?

Все дружно остановились на пошехонской» (Белов 1976: 56).

«Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрёт ни которой». Какой ужас для современного «цивилизованного» сознания! Какая дикость, «презрение к личности»! Но какая радость для всякой души, чующей Вечность! В отличие от индивидуалистического трепетания за свою единственно дорогую «шкуру», народное переживание бытия в своей последней глубине не знает «своего» и «чужого» — здесь жизнь на всех одна, ибо она Жизнь, а потому смерти нет и нечего бояться. «Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрёт ни которой» — как легко и радостно так сказать, когда смерти нет. Ибо «не умрёт ни которой», просто не умрёт, и всё — ибо душа бессмертна, и так мыслит народ. А бабушка ещё расскажет странную и весёлую сказку про каких-то пошехонцев — а на самом деле про нас с вами в нашем подлинном, разоблачённом от всякого умничанья обличии. В этой-то сказке давно рассказано о том, «что с нами происходит», как выражались некоторые, думая, что это признак особого ума, — и о том, чем всё это когда-нибудь закончится.

В прозе XX века есть множество попыток описать то, что происходит с потерявшимся человеком. Потерявшимся во всех возможных смыслах этого слова. Поскольку исток и смысл этой прозы прост (и исход из неё был бы столь же прост, если бы этот выход на самом деле искали, а не наслаждались его мнимым отсутствием), то можно найти и какой-то своего рода «первотекст», где вся эта потерянность была бы расписана во всех своих входах и выходах. Так вот в «Привычном деле» этот «первотекст» есть.

Вот его размышления о смерти: «И вдруг Иван Африканович удивился, сел прямо на мох. Его как-то поразила простая, никогда не приходившая в голову мысль: вот, родился для чего-то он, Иван Африканович, а ведь до этого-то его тоже не было... И лес был, и мох, а его не было, ни разу не было, никогда совсем не было, так не всё ли равно, ежели и опять не будет? В ту сторону его никогда не было и в эту сторону никогда не будет. И в ту сторону пусто и в эту. И ни туда ни сюда нету

конца-края... А ежели так, ежели ни в ту, ни в другую сторону ничего, так пошто родиться-то было? Вон тёща Евстоля молилась вчера, думает, что будет что-нибудь и после смерти. А чего ждать? Нечего, видно, ждать, пустое дело, ничего не будет. Она-то думает, что будет, ей полдела... Да, ей полдела. Вон и он, Иван Африканович, думал раньше, что что-то будет, и жил спокойно, будет что-то, и ладно. А вот умерла Катерина, и стало понятно, что ничего после смерти и не будет, одна чернота, ночь, пустое место, ничего. Да. Ну, а другие-то, живые-то люди? Гришка, Антошка вон? Ведь они-то будут, они-то останутся? И озеро, и этот проклятый лес останется, и косить опять побегут. Тут-то как? Выходит, жись-то всё равно не остановится и пойдёт, как раньше, пусть без него, без Ивана Африкановича. Выходит всё-таки, что лучше было родиться, чем не родиться. Выходит...» (Белов 1976: 81).

Вот человек один на один с самим собой и со звёздами — вдруг опомнился и понял, что не просто «живёт» такой какой-то Иван Африканович, но он есть некто, кто есть... как это страшно и непонятно на самом деле — просто быть, и всё. Как это странно и страшно! Вот человек говорит, что после смерти «ничего не будет», — и сразу же проговаривается — для кого это «не будет». Для того, кто остался здесь, не познав самой смерти, брошенный и одинокий перед теми, кто уже измерил эту жизнь иной, нездешней мерой. Далее В. Белов в монологе героя с самим собой показывает, что вера в вечную жизнь, а значит, и в Бога, начинается не с абстракций, а с чувства живой связи с физически умершим человеком. Видимо, таким был путь духовного прозрения и самого автора. В 1966 г. в условиях советской цензуры невозможно было написать большего, но самое главное в этом монологе было сказано.

Тихо приходит прозрение: «“Это, буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то? Милая, светлая моя, мне-то... Мне-то чего... Ну... что теперече... вон рябины тебе принёс... Катя, голубушка”. Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, ещё не обросшей травой земле, — никто этого не видел» (Белов 1976: 84). Тихо хранится самое главное, неведомое самому хранящему. Тихо говорятся главные слова. Тихо приходит откровение Вечности — тихо и просто — через неразрывность с любимым Ты. Тихо, как сердце на родной могиле, бьётся сердце Родины. Тихо свершается преображение кающейся души — никто, кроме Того, Кто видит всё, — «никто этого не видел».

Известный литературовед и критик И. Б. Роднянская в 1980 году написала одну из самых глубоких статей о В. Белове (в ней она также сближала художественные миры В. Белова и А. Вампилова), в которой она определила главную цель «деревенской прозы» просто и глубоко: «вернуть человеческую душу к любви, жалости» (Роднянская 1989: 33). «Не менее поразителен и “городской” Белов», — писала она (Роднянская 1989: 11), указав на несколько прозрений В. Белова в суть современной «городской» жизни, которые отчётливо видны именно для его взгляда «со стороны», с высоты тысячелетнего крестьянского бытия. Это и образ «самостоятельной женщины», разрушающей семью и делающей аборт, — убийцы народа. И понимание того, что в обществе духовной пустоты, лишённом Бога и высших целей бытия, алкоголь соблазняет и убивает не худших, а лучших людей — тех, кто более чуток сердцем и поэтому не может терпеть бессмысленное существование. К этому добавим также и особое провидческое значение повести «Всё впереди» (1986), название которой — это «формула» художественного мира Достоевского из известной книги М. М. Бахтина. В этой повести, с одной стороны, показано общество, уже полностью контролируемое русофобами, а с другой — показан главный герой, через тяжёлые испытания приходящий к православию. Это образ будущего русского человека, который спасёт Россию в XXI веке.

Вместе с тем И. Б. Роднянская проницательно указала и на внутренний радостный стержень «деревенской прозы», который доминирует даже несмотря на то, что порождена эта проза исторической трагедией. «Проза Белова унижена “бухтинами”, — писала она, — это юмористический катарсис народной драмы <...> человеческий идеал, перед которым они ставят своих неблагополучных героев, сурово требуя от них отзыва, покаяния, восхождения, — смею сказать, вечен. А юмор свидетельствует о терпеливой бодрости духа, о выносливости, запасённой на долгий путь» (Роднянская 1989: 44).

Ю. Селезнёв, автор известной биографии Достоевского, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», в своей статье «Неведомая сила. Заметки о творчестве В. Белова» определил смысл его труда так: «Творчество истинно современного писателя Василия Белова рыхлит эти глубинные пласты нашей души, помогает нам постигать самих себя, воспитывает сознание нашей личной кровной причастности не только сегодняшнему дню, но и всей тысячелетней истории нашей страны,

нашего народа, в его прошлом и будущем» (Селезнёв 2014: 433). И делал это В. Белов не только как художник слова, но и как яркий мыслитель. Его знаменитая книга «Лад. Очерки народной эстетики» (1982) не имеет аналогов в современной мировой литературе и уже признана классикой современной эстетики. Важны и его историософские размышления. Так, в 1993 году он написал предисловие к изданию эстетических трудов выдающегося русского мыслителя Ивана Ильина, в котором утверждал: «Вселенское зло, по Пушкину, преодолевается вселенским добром и, вероятно, терпением. И добро побеждает. В этом, на мой взгляд, главное содержание русской идеи и, может быть, главное предназначение России. Не потому ли история нашего народа так трагична?» (Белов 1993: 11). А в очерке «Дорога на Валаам» (1997) он писал: «Если и сформируются в России когда-нибудь подлинные сословия (так необходимые для всероссийского собора), то пусть начинается это формирование с монашеского сословия. Глядишь, дойдём и до офицерского, и до крестьянского. Чем больше их будет, сословий-то, тем лучше. Конечно, бомжи с банками — это никакие не сословия...» (Белов 2013: 318).

Итогом творческого пути В. Белова стала страшная художественная хроника коллективизации в северной деревне, которую он писал более двух десятилетий. В романе «Кануны» перед нами два села — целый мир, десятки могучих и колоритных народных характеров. Это мир русского крестьянина, суть которого выражена в ночных думах деда Никиты Рогова: «Сколько перепахано было земли, пролито пота? О, хлеб насущный! Многотрудный, всесильный наш! Господи... Господи... Пускай потухнет его лютая злоба и стихнет потрясение нестойкой души...» (Белов 2011: 118). И вот в этот мир врываются «иных времен татары и монголы» (Н. Рубцов) — так называемая чрезвычайная тройка, приехавшая арестовывать «врагов Советской власти». Самые трудолюбивые крестьяне были назначены «кулаками». Бывший деревенский лентяй и бездельник Сопронов, ставший советским начальником, злобствует: «Что ни изба, то и зажиточный, у каждого по лошади и корове, у многих по две, а то и по три коровы». Власти начинают душить их налогами, а затем и уничтожать их самих. Чтобы спастись от раскулачивания, люди прячут своё добро: «Попавшие в новый список грузили на санки сундуки и кадушки, завязывали в узлы женские юбки, наподольницы, одеяла, холсты, шубы, девичьи атласовки, ружья, кружева, часы, выделанные кожи. Швейные машины, самовары и фарфоровую посуду заворачивали

в половики. Кожи скручивались в рулоны, муку и зерно таскали из амбаров прямо в мешках... Всё это пряталось по гуменным перевалам в засеках, в овинах либо зарывалось прямо в снег» (Белов 2011: 124). И здесь нашёлся свой народный пророк: «Судьба вещала в избе глуховатым, но взволнованным голосом Новожила: “Доживём, что всю землю опутают золезной проволокой, по небу полетят золезные птицы. Жить будет добро, только жить-то будет некому...”» (Белов 2011: 124).

Настоящая трагедия крестьян начинается во второй книге трилогии — «Год великого перелома». Никто не сможет прочитывать эту книгу без боли, содрогания и потрясения. У не сумевших оплатить непосильный налог крестьян описывают и отнимают дома и имущество, самих их отправляют на лесозаготовки, семьи выселяют в пустующие бани и сараи. Работники лесозаготовок живут в неотапливаемых храмах и монастырях под охраной. Здесь же живут «кулаки» — переселенцы с Украины, с женщинами и детьми. Каждое утро из этих храмов, превращённых в ночлежки, выносят трупы.

Самые сильные духом из крестьян отказываются служить новой власти, за что подвергаются всё новым и новым карам. Другие идут на компромиссы с новой властью, чтобы уцелеть. Но уцелеть им, как правило, не удаётся. Для выявления настроений органы ГПУ организуют систему сексотов и доносов. И даже за сексотами, попавшими под подозрение, организуется наблюдение других сексотов. Кулаками объявляются и репрессированы даже воевавшие в Гражданской войне за красных и семьи, в которых есть находящиеся на службе в Красной армии. В заключение «Года великого перелома» многие главные герои оказываются в трюмах грузового транспорта, несущего их через океан в Печорскую тундру. Везут их много суток в лютый мороз под вооружённой охраной. Трупы, выталкиваемые из трюмов, сбрасывают в океан. Первыми умирают младенцы. Вот это уже напоминает настоящие муки ада. Высаживают всех в тундре на голый берег Печоры.

Важны в романе сцены расстрела в подвалах ГПУ недавним рабочим, мастером, человеком плоть от плоти народа Арсентием Шиловским «врагов народа» — двенадцати мужчин и одной женщины, людей, о которых он ничего не знает. Единственным самооправданием ему служит равнодушие и страх: «Кому-то надо...» Так его готовили для работы по раскулачиванию — из человека заранее превращая в зверя. «Грандиозной мистификацией, необъятным по масштабам спектаклем,

проводимым на просторах... недавно великого государства» называет коллективизацию и репрессии интеллигент из народа Прозоров, переживающий в тюрьме духовное преображение. Звучат и слова самого автора: «Казалось, все силы зла снова ополчились на эту землю. Вступая на пустующий императорский трон, знал ли угрюмый генсек, что через несколько лет, в день своего пятидесятилетнего юбилея, он швырнёт им под ноги сто миллионов крестьянских судеб» (Белов 2011: 304).

В романе «Час шестый. Хроника 1932 года» население сёл Ольховица и Шибаниха разделилось на потенциальных начальников и потенциальных арестантов. В начальники идут люди, неспособные к настоящей крестьянской работе — третьесортные, по деревенским понятиям, мужики. Разве хороший хозяин усидит в колхозной конторе, если надо сеять или косить? Потенциальные арестанты — все остальные. Один из главных героев, крепкий семейный мужик Евграф Миронов, попал из огня в полымя: отсидел в вологодской тюрьме, вернулся к семье, выброшенной из родной избы, ютящейся из милости у добрых людей, — но вдруг сельский сход выбирает его председателем колхоза. Крестьянский мир руководствовался здравым смыслом: Евграф мужик основательный, с понятием и совестью, вот он и поставит крепко общее хозяйство. Думали, что выбирают Евграфа на его законное место, но на самом деле Евграф Миронов оказался совершенно на чужом месте, где ему то и дело приходится поступать не по здравому уму, а по чужим, антикрестьянским правилам игры. Другой герой романа, матрос Василий Пачин, хочет стать морским офицером и учится в Ленинграде. Но случайная отпускная деревенская драка, попавшая в газету, напоминает начальству, что курсант Пачин — это на самом деле «недобитый кулацкий элемент».

Третьего героя, Павла Рогова, сбежавшего к семье из лагерей, травят облавой, словно медведя. Четвёртый герой, Данила Пачин, тянет срок в Беломорбалтлаге, мечтая о «льготе» — о досрочном освобождении от «канавы», о возвращении домой... Праведник дед Никита скрылся в лесу от нетерпимой им действительности. Следование за судьбами героев трилогии приводит нас в спецлагеря, на Беломорканал. Павел Рогов сумел уцелеть, пройдя дантовы круги ада, проявив способность русского крестьянина выжить в труднейших условиях. Он бежит с Печоры и появляется нелегально в окрестностях родной деревни. Охота на Павла Рогова символично приводит к убийству праведника деда Никиты. Как и в предыдущие романы, в «Час шестый» автор вводит цитаты из постановления

верховных властей. Последнее цитируемое постановление — о награждении руководителей строительства Беломорканала — особенно красноречиво.

Ненаписанная третья книга романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» должна была быть «о народе нашем, великом и многотерпеливом, который, жертвуя собой и даже будущим своим, слезами, кровью, костями своими и муками спас всю землю от поругания, а себя и Россию надсадил, обескровил. И одичала русская святая деревня, устал, озлобился, кусочником сделался и сам народ, так и не восполнивший потерь нации, так и не перемогший страшных потрясений, военных, послевоенных гонений, лагерей, тюрем и подневольных новостроек» (Астафьев 2009: 624). Однако всё предшествующее этому творчество В. Астафьева и было этим «третьим томом». Итог и смысл всего своего жизненного и творческого пути писатель сформулировал как единственную надежду на Бога: «Сейчас надежда только на Него, на Милостивца. Сильно мы Господа прогневили, много и страшно нагрешили, надо всем молиться, а это значит — вести себя достойно на земле, и, может быть, Он простит нас и не отвернёт Своего милосердного Лица от нас, расхристанных, злобных, неспособных к покаянию» (Астафьев 2009: 584). Таково было духовное завещание Виктора Астафьева.

Однако, кроме покаяния, «деревенская проза» в первую очередь всегда звала и к жизненному подвигу. Императив жертвенного подвига ради спасения России и русского народа наиболее ярко выразился в повести Валентина Распутина 2003 года «Дочь Ивана, мать Ивана». (В 2005 году в Китае произведение было названо одним из лучших зарубежных произведений иностранных авторов, получив награду конкурса «Лучший зарубежный роман XXI века».) В основе сюжета лежит история женщины из сибирского города, застрелившей насильника своей несовершеннолетней дочери. Как оценить её поступок? В. Курбатов пишет: «Она навеки права, взяв в руки обреза и решая вопросы государства своим материнским судом» (Курбатов 2004: 460). Писатель колебался, обдумывая этот сюжет, пока в разговоре со священником ему не было сказано: «Что ж — на войне как на войне» (Распутин 2006а)¹. В. Г. Распутин подчёркивал,

¹ Распутин В. Г. «Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства, с первыми понятиями о мире и жизни». — Официальный сайт Украинской Православной Церкви Pravoslavie.org.ua — 2004. — 1 марта. — URL: http://pravoslavie.org.ua/index.php?r_type=&action=fullinfo&id=5102.24.11.06

что именно эти слова помогли ему закончить повесть. Итак, Россия опять на войне — вот последнее слово прозы «нравственников». Оно стало пророческим.

В письме участникам научной конференции в 1997 году В. П. Астафьев назвал главную закономерность современной цивилизации: «Двигаясь вместе с развивающимся прогрессом ускоренным шагом к гибели, современный человек не отказался ни от одной услуги развивающегося прогресса, от комфорта, им предоставляемого... прогресс-то “умнеет”, развивается, набирает мощь, а человек всё более дичает, бездельничает, слабеет умственно и физически» (Астафьев 2009: 626). Это произошло потому, что «человек не захотел жить по заветам Божьим, не захотел спасения и посчитал путь, указанный Богом, для себя неприемлемым и трудным, а безбожие, безверие неизбежно приведёт его и “дом” наш уютный — Землю к гибели, причём не в очень отдалённые времена. Остающиеся существовать на Земле ещё будут завидовать нивхам, удэгейцам, эвенкам, нганасанам и прочим народностям, успевшим вымереть до Страшного Суда, до катастрофы земной... Человечеству даже и задуматься некогда над тем, что его ждёт впереди, какое страшное наказание примет оно за свой преступный путь, за кровавую дорогу, им проложенную, за чудовищную историю, им сотворённую... забудет оно слова, забудет всякую веру, забудет само себя, на четвереньках уползая обратно в холодные пещеры. Поглядите окрест, оглянитесь на себя и на детей своих — мы уже около устья той пещеры, первого и последнего пристанища существа, которое... смеет нагло называть себя наместником Бога на земле» (Астафьев 2009: 627).

Жизненный и духовный подвиг писателей-«деревенщиков» состоял в самостоятельном возвращении к православной вере и на этой основе — к познанию подлинной русской истории XX века, Русской Голгофы. Виктор Астафьев написал «Эпитафию» самому себе, которую нашли на рабочем столе после его смерти: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье. Виктор Астафьев» (Крест 2003: 484). Столь категоричный вывод как итог всей прожитой жизни стал квинт-эссенцией его особенно русской бескомпромиссности в «вечных» вопросах бытия. В этой эпитафии В. П. Астафьев показал глубину ощущения исторического времени — движение человечества к конечной катастрофе, о которой говорится в Апокалипсисе. Среди выдающихся писателей

XX века почти никто не доходил в критике современной цивилизации до таких радикальных выводов, как В.П. Астафьев. Смысл его эпитафии самому себе и человечеству в целом полностью отвечает тому откровению, которое дано в завершающей книге Библии. Писатель знал, что в XX веке закончилась христианская цивилизация и на её место пришла цивилизация без Бога, но человек может спастись и в «последние времена».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. — Иркутск : Изд. Сапронов, 2009. — 720 с.

Астафьев В. П. Собр. соч. в 15 т. — Красноярск : ПИК «Офсет», 1998. — Т. 12: Публицистика. — 654 с.

Астафьев В. П. Собр. соч. в 15 т. — Красноярск : ПИК «Офсет», 1998. — Т. 13: Весёлый солдат. Варианты. Отрывки. Пьесы. Киносценарии. Из тихого света. — 736 с.

Астафьев В. П. Собр. соч. в 15 т. — Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. — Т. 6: Царь-рыба. — 582 с.

Астафьев В. П. Созидать милосердие и братство // Литературная газета. — 1990. — 26 сент. — С. 4.

Белов В. И. Бобришный угор // Избранные произведения : в 3 т. — М. : Современник, 1983. — Т. 1: Роман. Рассказы. — С. 524–536.

Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х гг. — М. : Современник, 1989. — 335 с.

Белов В. И. Когда воскреснет Россия? — М. : Алгоритм, 2013. — 352 с.

Белов В. И. Предисловие // Одинокий художник / И. А. Ильин. — М. : Искусство, 1993. — С. 6–16.

Белов В. И. Собр. соч. в 7 т. — М. : Классика, 2011. — Т. 4: Год великого перелома: хроника начала 30-х годов. Час шестый. — 614 с.

Белов В. И. Утром в субботу. Повести и рассказы. — Вологда : Северо-Западное книжное изд-во, 1976. — 278 с.

Бондаренко В. Г. Поминальная молитва Валентина Распутина // Повести. Рассказы : в 2 т. / В. Г. Распутин. — М. : Дрофа, 2006. — Т. 1. — С. 392–397.

Даренский В. Ю. Русская правда Виктора Астафьева // Посев. Общественно-политический журнал. — 2019. — № 5 (1699). — С. 44–53.

Залыгин С. П. Предисловие // Избранное : в 2 т. / В. Крупин. — М. : Молодая гвардия, 1991. — Т. 1. — С. 5–6.

Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. — М. : Родина, 2020. — 384 с.

Из переписки Н. Я. Эйдельмана с В. П. Астафьевым // Даугава. — 1990. — № 6. — С. 62–67.

Кормилов С. «Мы забыли, что такие люди бывают»: Ахматова и Солженицын // Литературное обозрение. — 1999. — № 1. — С. 23–29.

Кортаев В. Горит его звезда // Подорожники / Н. Рубцов. — М. : Молодая гвардия, 1976. — С. 5–10.

Крест бесконечный. В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России. — Иркутск : Изд. Сапронов, 2003. — 528 с.

Крупин В. Скоро утро, но ещё ночь. — М. : Парето-Принт, 2009. — 512 с.

Курбатов В. Диагноз. Послесловие // Дочь Ивана, мать Ивана / В. Г. Распутин. — Иркутск : Изд. Сапронов, 2004. — С. 456–464.

Курбатов В. Книга одной жизни // Собр. соч. в 4 т. / В. П. Астафьев. — М. : Молодая гвардия, 1979. — Т. 1. — С. 5–36.

Лобанов М. П. Размышления о литературе и жизни. — М. : Сов. Россия, 1982. — 304 с.

Мяло К. Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. — 1988. — № 8. — С. 245–257.

Недвецкий В. А., Филиппов В. В. Русская «деревенская» проза: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 141 с.

Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. — Томск : Томск. гос. ун-т, 2004. — 203 с.

Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 612 с.

Распутин В. Г. Повести. Рассказы : в 2 т. — М. : Дрофа, 2006. — Т. 1. — 396 с.

Роднянская И. Б. Художник в поисках истины. — М. : Современник, 1989. — 384 с.

Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. Слово живое и мёртвое. — М. : Алгоритм, 2014. — 496 с.

Славникова О. Деревенская проза ледникового периода // Новый мир. — 1999. — № 4. — С. 198–207.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. — М. : Время, 2007. — Т. 1: Рассказы и крохотки. — 672 с.

Солоухин В. А. Седина. — М. : Сов. писатель, 1977. — 96 с.

Солоухин В. А. Смех за левым плечом. — М. : Современник, 1989. — 574 с.

Сведения об авторе:

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета, 91031, Россия, Луганск, ул. Оборонная, 2, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

“Nravstvenniki” or “Derevenshiki” (Village Prose Writers) as Phenomenon of the Russian Spiritual Revival

V. Yu. Darenskiy

LUGANSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,
LUGANSK, RUSSIA

Abstract. The article researches the legacy of the “npravstvenniki” (village prose writers) as an important phenomenon of the Russian spiritual revival in the second half of the twentieth century. It examines the original view based on the millennia-long experience of peasant life, taken by the “village prose” on the fate of a person facing the destruction of the Russian Orthodox civilization. This experience uniquely combines the Christian soul and the “cosmic” (sobornost’-people-nature) conscience, which allows to immediately and unerringly feel and deeply understand any untruth of the existence. This truly is the latest word of the great Russian literature, not in the chronological sense, since another era is already upon us, but in the sense of revealing the last foundations of the “Russian point of view” (V. Woolf) to the world. The main storyline of the “village prose” was the death of the great Orthodox civilization and the perpetuation of the images of its living members surviving into the second half of the twentieth century. This prompted Viktor Astafyev to call it a unique “global phenomenon born out of the suffering and misfortunes of the people”. The experience of the literature of “npravstvenniki” (Aleksandr Solzhenitsyn), however,

also showed the reality of the Orthodox revival of the Russian people, prophesying on this moral basis a new revival of Russia. The article offers several representative examples of works that enable the reader to understand the spiritual meaning and significance of this literary phenomenon and to appreciate the worldwide historical task it tried to solve: to comprehend both the greatness of the Orthodox peasant civilization and the tragedy of its destruction. The most prominent critique and literary reviews on the “village prose” are also considered. The article ends with substantiating the conclusion of this literary phenomenon becoming the newest Russian classics, corresponding to the most important and urgent tasks of the spiritual revival of Russia and creating a new “canon” of Russian Christian literature of the twenty-first century.

Keywords: “Village prose”, “Nравstvenniki”, 20th century, Orthodoxy, fiction, spiritual revival, Russia, tragedy

For citation: Darenskiy, V. Yu. (2022). “Nравstvenniki” or “Derevenshiki” (Village Prose Writers) as Phenomenon of the Russian Spiritual Revival. *Ortho-doxia*, (4), 165–197. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-165-197

REFERENCES:

- Astafyev, V. P. (1990). Sozidat' miloserdie i bratstvo [To Create Mercy and Brotherhood]. *Literaturnaia gazeta*, 26th of September, 4. [In Russian].
- Astafyev, V. P. (1997). *Sobr. soch. v 15 t.* [Complete Works in 15 Vol.] (Vol. 6). Krasnoyarsk: PIK Offset. [In Russian].
- Astafyev, V. P. (1998). *Sobr. soch. v 15 t.* [Complete Works in 15 Vol.] (Vol. 12). Krasnoyarsk: PIK Offset. [In Russian].
- Astafyev, V. P. (1998). *Sobr. soch. v 15 t.* [Complete Works in 15 Vol.] (Vol. 13). Krasnoyarsk: PIK Offset. [In Russian].
- Astafyev, V. P. (2009). *Net mne otveta... Epistoliarnyi dnevniki 1952–2001* [There is No Answer for Me ... Epistolary Diary 1952–2001]. Irkutsk: Izd. Sapronov. [In Russian].
- Belov, V. I. (1976). *Utrom v subbotu. Povesti i rasskazy* [Saturday Morning. Tales and Stories]. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo. [In Russian].
- Belov, V. I. (1983). Bobrishnyi ugor [Bobrishnyi Hill]. In *Selected works in 3 volumes* (Vol. 1, pp. 524–536). Moscow: Sovremennik. [In Russian].
- Belov, V. I. (1989). *Kanuny: Khronika kontsa 20-kh gg* [Eves: Chronicle of the End of 1920th]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Belov, V. I. (1993). Predislovie [Foreword]. In *Ilyin I. A. Odinokii khudozhnik* [Lonely Artist] (pp. 6–16). Moscow: Iskusstvo. [In Russian].

Belov, V. I. (2011). *Complete works in 7 volumes* (Vol. 4). Moscow: Klassika. [In Russian].

Belov, V. I. (2013). *Kogda voskresnet Rossiia?* [When Will Russia Be Resurrected?]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Bondarenko, V. G. (2006). Pominal'naia molitva Valentina Raspulina [Memorial Prayer of Valentin Rasputin]. In *Rasputin V. G. Povesti. Rasskazy: v 2 t.* [Tales and Stories in 2 volumes] (Vol. 1, pp. 392–397). Moscow: Drofa. [In Russian].

Darenskiy, V. Iu. (2019). Russkaia pravda Viktora Astaf'eva [Russian Truth of Viktor Astafiev]. *Posev. Obshchestvenno-politicheskii zhurnal*, 1699(5), 44–53. [In Russian].

Iz perepiski N. Ia. Eidel'mana s V. P. Astaf'evym [From the Correspondence of N. Ya. Eidelman with V. P. Astafyev] (1990). *Daugava*, 6, 62–67. [In Russian].

Kormilov, S. (1999). “My zabyli, chto takie liudi byvaiut”: Akhmatova i Solzhenitsyn [“We Forgot That Such People Exist”: Akhmatova and Solzhenitsyn]. *Literaturnoe obozrenie*, 1, 23–29. [In Russian].

Korotaev, V. (1976). Gorit ego zvezda [His Star Is Burning]. In *Rubtsov N. Podorozhniki* [Plantains] (pp. 5–10). Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Krest beskonechnyi. V. Astaf'ev — V. Kurbatov: Pis'ma iz glubiny Rossii [The Cross Is Endless. V. Astafiev — V. Kurbatov: Letters from the Depths of Russia]. (2003). Irkutsk : Izd. Sapronov. [In Russian].

Krupin, V. (2009). *Skoro utro, no eshche noch'* [Morning is Soon, But It's Still Night]. Moscow: Pareto-Print. [In Russian].

Kurbatov, V. (1979). Kniga odnoi zhizni [The Book of One Life]. In *Astaf'ev V. P. Complete works in 4 volumes* (Vol. 1, pp. 5–36). Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Kurbatov, V. (2004). Diagnost. Posleslovie [Diagnosis. Afterword]. In *Rasputin V. G. Doch' Ivana, mat' Ivana* [Daughter of Ivan, Mother of Ivan] (pp. 456–464). Irkutsk: Izd. Sapronov. [In Russian].

Lobanov, M. P. (1982). *Razmyshleniia o literature i zhizni* [Reflections on Literature and Life]. Moscow: Sov. Rossiia. [In Russian].

Mialo, K. (1988). Oborvannaia nit'. Krest'ianskaia kul'tura i kul'turnaia revoliutsiia [Broken Thread. Peasant Culture and Cultural Revolution]. *Novyi mir*, 8, 245–257. [In Russian].

Nedvetsky, V. A., Filippov V. V. (2002). Russkaia “derevenskaia” proza: V pomoshch' prepodavateliam, starsheklassnikam i abiturientam

[Russian “Village” Prose: In Aid of the Teachers, High School Students and Applicants]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. [In Russian].

Parte, K. (2004). *Russkaia derevenskaia proza: svetloe proshloe* [Russian Village Prose: A Light Past]. Tomsk: Tomsk. gos. unt. [In Russian].

Rasputin, V. G. (2006). *Povesti. Rasskazy: v 2 t.* [Tales. Stories. In 2 volumes] (Vol. 1). Moscow: Drofa. [In Russian].

Razuvalova, A. I. (2015). *Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaia ideologiya 1970-kh godov* [Writers-“Villagers”: Literature and Conservative Ideology of the 1970s.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].

Rodnianskaia, I. B. (1989). *Khudozhnik v poiskakh istiny* [The Artist in Search of Truth]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Seleznev, Iu. I. (2014). *V mire Dostoevskogo. Slovo zhivoe i mertvoe* [In the World of Dostoevsky. The Word is Alive and Dead]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Slavnikova, O. (1999). *Derevenskaia proza lednikovogo perioda* [Rural Prose of the Ice Age]. *Novyi mir*, 2, 198–207. [In Russian].

Soloukhin, V. A. (1977). *Sedina* [Gray]. Moscow: Sov. pisatel'. [In Russian].

Soloukhin, V. A. (1989). *Smekh za levym plechom* [Laughter Behind the Left Shoulder]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Complete works in 30 volumes* (Vol. 1). Moscow: Vremia. [In Russian].

Zalygin, S. P. (1991). *Predislovie* [Foreword]. In *Krupin V. Selected works in 2 volumes* (Vol. 1, pp. 5–6). Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2020). *Russkaia sud'ba, ispoved' otshchepentsa* [Russian Fate, Confession of a Renegade]. Moscow: Rodina. [In Russian].

About the author:

Vitaliy Yurievich Darenskiy — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, 2, Oboronnaya str., Lugansk, Russia, 91031, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.